

взяеть изъ себя примѣръ полнаго невоспитанія въ христіанскомъ смыслѣ, избалованнаго барина еще въ младенчествѣ; не всѣмъ-же и воспитываться на манеръ этого любимца судьбы, родившагося въ сорочкѣ, въ знатномъ и богатомъ домѣ; не всѣмъ же и быть графами, съ его недюжиннымъ умомъ, который достоинъ былъ-бы лучшей дѣятельности; не всѣмъ-же писать и пресловутые романы «Войну и миръ» и «Анну Каренину», безъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣчество легко-бы могло обойтись и не чувствовать въ нихъ ни малѣйшей потребности, а учить дѣтей въ простой, доступной формѣ библейской и церковной исторіи о Богѣ въ Троицѣ славимомъ, какъ о Творцѣ міра и человѣка, и общемъ всѣхъ Промыслителѣ и Спасителѣ, о сотвореніи человѣка и всѣхъ тварей, о грѣхопаденіи человѣковъ и наслѣдственной порчѣ грѣховной всего человѣческаго рода, о явленіи въ міръ общаннаго Спасителя, о Его житіи, ученіи, чудесахъ, о спасительныхъ Его за насъ страданіяхъ, искупительной смерти, воскресеніи Его изъ мертвыхъ—есть необходимость и общая потребность для всѣхъ христіанскихъ дѣтей,—и отъ того именно, что Левъ Толстой не былъ наученъ этимъ элементарнымъ христіанскимъ истинамъ, онъ и вышелъ такимъ злымъ, рыкающимъ на вѣру и церковь Христову, львомъ, ищущимъ кого поглотить (и проглотилъ, къ несчастью, многихъ). Не стань мы учить дѣтей съ нѣжнаго возраста ученію вѣры и страху Божію,—и въ нихъ, по причинѣ общей грѣховной порчи человѣческаго рода, разовьются и укрѣплятся всякіе грѣховные инстинкты—злость, капризь, своеправіе, непослушаніе, непокорность, зависть, гордость, лѣность къ молитвѣ и благочестію, холодность къ Богу и церкви Божіей, ложь, обманъ, хитрость и лукавство, плотскіе тайные грѣхи и подобныя. Что же выйдетъ изъ нихъ? Какія чада, какіе отцы и матери, какіе сыны отечества, подданные и слуги царя, какіе заступники отечества, какіе писатели, какіе вѣрно-подданные чиновники и органы разныхъ административныхъ вѣдомствъ, какіе земледѣльцы, какіе мастеравые?